

А.А. Мальцев

*д.э.н., доцент, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,*

Институт экономики УрО РАН (Екатеринбург),

Университет Пикардии имени Жюль Верна (Амьен, Франция)

КАК КЛИО ПРЕВРАТИЛАСЬ В КЛИОЛЯТОРА, ИЛИ МЕТАМОРФОЗЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ

Аннотация. В статье систематизированы внешние и внутренние причины так называемой клиометрической революции в экономической истории (ЭИ). Особое внимание уделяется анализу внутридисциплинарных, а также внешних по отношению к ЭИ причин, обусловивших рост интереса экономико-исторического сообщества США к клиометрике в 1950–1960-е гг. К числу главных факторов, обусловивших переход на клиометрические принципы занятия ЭИ, автор относит: 1) сциентистские настроения молодого поколения американских экономических историков; 2) переезд в Северную Америку большого количества влиятельных европейских учёных из позитивистских кругов, оказавших мощную поддержку молодым американским коллегам в деле квантификации ЭИ; 3) трагические события первой половины XX столетия, актуализировавшие необходимость создания интеллектуальной защиты против набравшего силу тоталитаризма при помощи (в том числе) экономической истории, нуждавшейся для большей убедительности в опоре на гипотетико-дедуктивные модели и количественный анализ; 4) мрачную эпоху маккартизма, заставившую экономических историков уходить от изучения идеологически опасных «больших» вопросов в сторону малопонятных для политизированных чиновников количественных выкладок и /или маскировать свои исследования за фасадом греческих букв и математических символов. В работе показано, что несмотря на успехи клиометрической революции, говорить о её победоносном шествии по национальным сообществам экономических историков поначалу не приходилось. Для окончательной победы клиометристов понадобилось добавить в количественную экономическую историю «забытый» институциональный контекст. Именно сочетание нового институционализма с количественными исследованиями обеспечило ЭИ достаточно гостеприимный прием в Старом Свете. Особый акцент в статье сделан на анализе восприятия клиометрической революции в современной литературе. Автор доказывает, что критики клиометрики, как правило, упускают из виду несколько важных обстоятельств: 1) ренессанс интереса к экономико-исторической проблематике экономистов и других представителей социальных наук; 2) реинтеграцию ЭИ в мейнстримную экономическую науку.

Ключевые слова: *экономическая история, экономическая наука, клиометрическая революция.*

JEL: B00, N01.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_114_126.

Как считается, Великая рецессия 2007-2009 гг. и пандемия COVID-19 выступили катализаторами роста интереса к экономической истории (ЭИ). Т. Пикетти в интервью, размещённом на сайте Парижской школы экономики, так комментирует основной посыл своей последней большой книги «Капитал и идеология»: «Если бы у этой книги была одна цель, то это стало бы способствовать новому обретению гражданами экономических и исторических (курсив мой – А.М.) знаний»¹. Аналитики McKinsey прямо задаются вопросом о том, «чему история может научить нас в области экономических последствий пандемии коронавируса» [Pinkus, Ramaswamy, 2020], а их коллеги из Всемирного экономического форума не устают указывать на значимость уроков истории при анализе влияния коронакризиса на социально-экономическое развитие стран мира [Kretchmer, 2021].

В свою очередь новейшая наукометрическая статистика свидетельствует об усилении присутствия работ по ЭИ в мейнстримном дискурсе. Так, скажем, анализ М. Яремского показал, что в 2013-2018 гг. удельный вес статей по экономической истории, появившихся на страницах таких уважаемых журналов, как *American Economic Review*, *Quarterly Journal of Economics*, *American Economic Journal: Applied Economics* и *American Economic Journal: Macroeconomics* достиг 6,4% от общего объёма материалов, публикуемых в этих изданиях. Для сравнения: доля материалов по такой уважаемой дисциплине, как международная экономика, выходящих в этих флагманах мейнстримной научной периодики, составила лишь 5,0%, а по организации промышленности – и вовсе 3,3% [Jaremski, 2020. P. 171-172]. В этой связи едва ли не закономерными выглядят результаты исследования Р. Абрамицкого, показывающие, что в наши дни выпускники докторских программ по экономической истории отнюдь не выглядят бедными родственниками на академическом рынке труда, где они успешно конкурируют с обладателями учёных степеней по другим субдисциплинам современной экономической науки [Abramitzky, 2015].

Впрочем, эти внушающие оптимизм выводы не должны заслонять главного. Говоря о возвращении ЭИ в поле зрения мейнстримного сообщества, эксперты подразумевают исключительно количественно-аналитическую экономическую историю, более известную как клиометрика. Причины роста симпатий «основного русла» к квантифицированной традиции занятия ЭИ рассмотрены мной в других работах (см., например, [Мальцев, 2022]). В настоящей статье важнее установить истоки зарождения этого направления исследований, поскольку, как справедливо замечают К. Дьеболь и М. Опер, «для понимания текущего статуса и перспектив будущего экономической истории необходимо изучить её прошлое» (цит. по [Fernández de Pinedo, La Parra-Perez, Muñoz, 2022]).

На первый взгляд, подобная задача может показаться полной бессмыслицей, поскольку запрос по ключевому словосочетанию *cliometric revolution* в Google Scholar выдает свыше 8400 документов, содержащих данные слова². На фоне такого богатства литературы встает закономерный вопрос: неужели никто из специалистов за 65 лет с момента выхода в свет знаковых публикаций А. Конрада и Дж. Меира, ознаменовавших начало клиометрической революции³, не смог проанализировать факторы, обусловившие успех этого интеллектуального «мятежа»? Конечно, статьи и книги, посвящённые осмыслению клиометрического переворота, занимают немало места на полках библиотек. Однако при более внимательном их изучении выясняется, что по большей части данные исследования направлены на изучение *последствий* клиометризации ЭИ, тогда как рассмотрение истоками возникновения этого процесса в подобных работах нередко сводится к дежурным ссылкам на труды патриархов клиометрики. Из-за этого может сложиться ощущение,

¹ A Word From Thomas Piketty: “Every human society must justify its inequalities:” // <https://www.parisschoolofeconomics.eu/en/news/thomas-piketty-every-human-society-must-justify-its-inequalities/> (access date 6.01.2023).

² https://scholar.google.com/scholar?hl=en&as_sdt=0%2C5&q=cliometric+revolution&btnG=

³ См., например, [Hauptert, 2017].

будто бы клиометрика является чуть не ли внезапным озарением, посетившим пионеров клиометрической революции (КР) и в мгновение ока поменявшим характер занятия ЭИ.

При всей привлекательности подобной трактовки за её скобками остаются такие факторы возникновения клиометрики, как постепенно назревавшие изменения в теоретико-методологических предпочтениях экономических историков, а также перемены в общественной жизни, ускорившие приближение клиометрического переворота. Особенно важным изучение этих причин клиометрической революции видится для стран, ещё не полностью охваченных клиометрикой, экономические историки которых, тем не менее, связывают перспективы развития ЭИ с внедрением клиометрических стандартов [Дроздов, Погребинская, Золотарева, 2018]. В данной статье я постараюсь показать, что переход на современный – количественный – стандарт занятия ЭИ возник не по мановению волшебной палочки, а стал результатом сложного сочетания внутренних и внешних (по отношению к ЭИ) факторов. Это, на мой взгляд, должно служить предостережением от попыток принудительного обращения в клиометрическую «веру» «неверующих коллег» [McCloskey, 1995. P. 8] и поводом внимательнее отнестись к изучению истоков возникновения тех или иных интеллектуальных направлений, без осмысления которых едва ли можно надеяться на их плодотворную рецепцию.

Структура статьи выглядит следующим образом. В первом разделе рассматриваются факторы, обусловившие превращение США в 1950-1960-е гг. в колыбель клиометрической революции (КР). Во второй части статьи предложено объяснение затухания темпов КР в 1970-1980-е гг. и систематизированы факторы, обусловившие рост интереса к клиометрике на рубеже 1980-1990-х гг. в Европе, чьи экономические историки поначалу встретили КР достаточно прохладно. Завершающий раздел посвящён краткому обзору последствий «клиометризации» для развития ЭИ.

Причины клиометрической революции

Пожалуй, одним из наиболее дискуссионных явлений в историографии ЭИ является клиометрическая революция. Одни исследователи считают, что она является знаковым событием для ЭИ, «изменившим исторические исследования в целом [и открывшим эру] количественной проекции социальных наук в прошлом» [Diebolt, Haupert, 2016. P. V]. Другие специалисты пишут, что из-за победы клиометристов Клио оказалась изгнана из ЭИ, в результате чего между экономикой и историей «возник дисбаланс, пространство между историей и экономикой оказалось занято последней» [Gauthier, 2022. P. 289]. Список критических оценок итогов КР можно продолжать ещё долго. В контексте нашего разговора важнее обратить внимание на следующее: независимо от восприятия итогов количественной революции, эксперты согласны с тем, что КР ознаменовала собой появление нового историко-экономического жанра. Если до КР экономические историки делали упор на «нарративные описания и качественные исследования», то после «сосредоточились на [анализе] данных и [экономико-математических] моделях» [Diebolt, Haupert, 2022. P. 2].

Если у специалистов, как правило, нет разночтений в том, что из себя представляет клиометрика, то относительно её «родителей» такого единодушия не наблюдается. Так, по мнению одних учёных, истоки клиометрики следует искать в работах У. Митчелла и Э. Гея 1920-х гг., наглядно показавших значимость «аккуратного сбора длинных рядов данных, жизненно важных для проведения экономической политики» [Lamoreaux, 2016. P. 37]. С точки зрения других экспертов, своим появлением на свет клиометрика во многом обязана развитию «статистических и других количественных методов, а также компьютерной технологии» [Klein, 1996. P. 64]. Немало споров ведётся и о том, можно ли вообще говорить о глобальном триумфе клиометрики. Ряд исследователей настаивает на том, что тотальная

клиометризация ЭИ произошла только за океаном, тогда как в Старом Свете экономические историки по-прежнему практикуют различные способы занятия экономической историей⁴.

Признавая актуальность данных дискуссий и не принижая роль Митчелла, Гея и компьютеров в рождении клиометрики, нельзя не отметить, что за спорами о том, кто несет «персональную» ответственность за КР и почему клиометрика поначалу пришлась не ко двору европейских учёных, из поля зрения нередко выпадает целый ряд вопросов. В частности, до конца остаются не выясненными причины, сделавшие США родиной клиометрики, мало исследованы социально-политические факторы, ускорившие перерождение покровительницы историков Клио из музы, изображаемой со стилем и свитком, в «Клиолятора» (*Cliolator* – божество, вооруженное калькулятором [*Rosenzweig*, 2011. Рр. 46–47]). Не претендуя на то, чтобы дать исчерпывающие ответы на данные вопросы, попробую кратко выделить основные объяснения, позволяющие пролить свет на загадки рождения этого киборгоподобного «существа». К числу главных из них, на мой взгляд, можно отнести следующие.

Во-первых, этой трансформации способствовал переезд в США в 1910-1950-е гг. большого числа европейских учёных, вынужденных покинуть Европу, превратившуюся в первой половине XX столетия в арену разрушительных социальных экспериментов [*Мальцев*, 2018]. Профессиональное становление многих из этих академических мигрантов проходило отнюдь не в русле доминировавшей в то время среди заокеанских специалистов в области ЭИ традиции немецкой исторической школы, утверждавшей преимущество индуктивных умозаключений над логико-математическим анализом и фактически «освобождавшей» своих приверженцев от изучения экономической теории [*Mejía*, 2015. Р. 82]. «Мы [зачем-то] должны прийти к Кейнсу и его математическим символам, претендующим на то, чтобы считаться значимыми для измерений, но на деле являющихся проявлением человеческого недомыслия, – едко отмечал в 1949 г. влиятельный экономический историк Б. Митчелл (1892-1988 гг.), – давайте будем наслаждаться весной жизни, а не приближать зиму разочарования» (цит. по [*Kirkland*, 1949. Р. 101]). Однако недоверие старших коллег к экономико-математическим методам лишь распалило энтузиазм молодых американских учёных, жаждавших распрощаться с кажущейся им безнадежно устаревшей «старой экономической историей», дискредитировавшей себя в их глазах из-за «беспомощности в интерпретации причинно-следственных связей» [*Mejía*, 2015. Р. 82]. Впрочем, вряд ли молодым бунтарям (как их затем назовет К. Голдин, «младотуркам» [*Gauldin*, 1995. Р. 193]) удалось бы одолеть сторонников традиционной ЭИ без помощи влиятельных союзников.

Сциентистский настрой американских критиков старшего поколения американских экономических историков полностью совпадал с представлениями плеяды блестящих европейских интеллектуалов, покинувших превратившийся в арену разрушительных социальных экспериментов Старый Свет. В этом плане, например, очень трудно переоценить вклад немецкого логического позитивиста К.Г. Гемпеля (1905-1997 гг.), переехавшего в США в 1939 г. и вдохновившего молодое поколение заокеанских экономических историков своей убежденностью в «отсутствии отличий между точной наукой и историей как в предмете исследования, так и методе аргументации» [*Hamouda, Price*, 1991. Р. 39]. Не меньшую роль в популяризации необходимости овладения историками навыками количественного анализа сыграл другой выдающийся выходец из Старого Света – С. Кузнец, опубликовавший на страницах первого номера ныне одного из наиболее престижных журналов по ЭИ – *Journal of Economic History* статью «Статистика и экономическая история», ставшую своеобразным программным манифестом сторонников квантифицированной истории. «Основной предпосылкой настоящей работы, – писал в 1941 г. будущий

⁴ См., например: [*Toninelli*, 2007].

Нобелевский лауреат, – является тезис о том, что поиск общих тенденций в переменчивом историческом опыте является разумным и многообещающим начинанием, а также то, что этот поиск может и должен строиться на основе гипотез и категорий, сформулированных на основе теоретического и статистического изучения экономических истоков анализируемого явления» [Kuznets, 1941. P. 39]. О том, насколько сильно эти идеи повлияли на вектор дальнейшего развития ЭИ, красноречиво говорит формулировка Нобелевским комитетом заслуг аспиранта С. Кузнеца – Р. Фогеля, удостоенного (вместе с Д. Нортон) в 1993 г. премии памяти Альфреда Нобеля за «обновление исследований в экономической истории путём применения экономической теории и количественных методов для объяснения экономических и институциональных изменений» (цит. по [Заостровцев, 2013. С. 142]).

Во-вторых, превращение США в колыбель клиометрического переворота едва ли стало бы возможным без ускорения процесса выделения ЭИ в самостоятельную дисциплину путём издания профильных журналов и создания специализированных ассоциаций специалистов по ЭИ. Огромную роль в её «сепаратизации» сыграли и благотворительные организации. В частности, трудно переоценить вклад в развитие ЭИ Дж. Г. Уиллитса (1889–1979 гг.) – директора подразделения социальных наук Фонда Рокфеллера – и его коллеги Э. Безансона (1881–1980 гг.), усмотревших в социальных науках важную функцию интеллектуального щита, призванного защитить демократические страны от набиравших силу в 1930-е гг. радикальных идеологий. При этом большие чаяния филантропы возлагали на ЭИ как способную обеспечить не только идейную, но и научную поддержку либеральному дискурсу [De Rouvray, 2005. P. 86]. Для модернизации этого интеллектуального оружия в 1940 г. Фонд Рокфеллера выделил специально образованному Комитету по исследованиям в области экономической истории 4,5-летний грант в размере 300 тыс. долл.⁵, что составило 1/5 годовых расходов этой влиятельной филантропической структуры на социальные науки.

Плоды такой щедрости не заставили себя долго ждать. В том же 1940 г. появилась Ассоциация экономической истории (АЭИ), спустя год начал издаваться уже упоминавшийся выше *Journal of Economic History*, а число американских членов АЭИ к 1954 г. достигло 900 человек против 400 в 1940 г. [De Rouvray, 2004. Pp. 229–230, 238]. От Фонда Рокфеллера не отставали другие грантодающие организации. Скажем, уроженец Российской Империи А. Гершенкрон (1904–1978 гг.), обосновавшись в Гарварде, получил в 1958 г. грант от Фонда Форда на организацию семинара [From the Workshop..., 2008. Pp. 365–367], участникам которого ставилась задача «смотреть глазами экономистов на выпавшие из поля зрения всех прочих исследователей большие массивы количественных данных», затрагивавших широчайший спектр экономико-исторических явлений и процессов [McCloskey, 1995. P. 12]. Сила интеллектуального обаяния профессора Гершенкрона вкупе с финансовой помощью благотворителей привлекли под гарвардские знамёна целое созвездие учёных, впоследствии ставших именоваться «пионерами новой экономической истории» [Field, 1986. P. 34], впервые начавших «систематически использовать экономическую теорию и количественные методы для изучения исторического материала» (цит. по [Krul, 2018. P. 35]). Среди молодых специалистов, прошедших за 12 лет действия фордовского гранта школу Гершенкрона в Кембридже, фигурировали имена таких будущих лидеров «новой» ЭИ, как П. Дэвид, П. МакКлелланд, Д. Макклоски, Р. Силла, Б. Солоу, П. Темин, А. Фишлоу и др. [De Rouvray, 2005. P. 269].

При столь внушительном интеллектуальном подкреплении клиометристы смогли не только резко усилить натиск на «традиционную» (не содержащую изошрённых математических методов) ЭИ, но и изменить само понимание «правильного» экономико-историче-

⁵ Свыше 5,9 млн дол. в ценах 2022 г. <https://www.dollartimes.com/inflation/inflation.php?amount=1&year=1940> (access date 6.01.2023).

ского исследования. Весьма выпукло эта трансформация проявилась в изменении формата публикаций в области ЭИ. Как показали расчёты Р. Уэйплса, удельный вес исследовательских статей, публиковавшихся в *Journal of Economic History*, содержащих квантитативные выкладки, возрос с 3,9% в 1956-1960 гг. до 71,8% в 1971-1975 гг. [Whaples, 1991].

В-третьих, помимо щедрости филантропических структур, подкреплявшей желание молодого поколения американских экономических историков ускорить переход ЭИ на количественные рельсы, на рост интереса к квантифицированной ЭИ серьёзно повлияли изменения в мировой экономике, произошедшие после окончания Второй мировой войны. Ускорение распада колониальной системы и образование множества независимых государств поставили на повестку дня задачу «осмысления того, как недавно освободившимся странам следует создать преуспевающие рыночные экономики» [Lamoreaux, 2016. P. 39]. В свою очередь противостояние с возникшей мировой социалистической системой потребовало «демонстрации добродетелей капитализма» [Rojas, 2007. P. 54]. Размах задач вызвал прилив интереса к ЭИ, а пополнение арсенала специалистов по ЭИ эконометрикой и первыми ЭВМ дали дополнительный импульс «уходу экономических историков от литературных форм выражения своих взглядов» [De Rouvray, 2005. P. 42]. Наконец, еще одним триггером ускорения процессов математизации ЭИ стало обычно связываемое с именем Дж. Маккарти обострение антикоммунистических настроений в американском обществе, вылившееся в кампанию по выявлению антиамерикански настроенных элементов. Разгул маккартизма, как отмечает А.У. Коутс, заставлял экономических историков активнее прибегать к «недоступному широкой публике техническому языку» и не злоупотреблять изучением таких «широких... чувствительных тем, как история капитализма, последствия индустриализма, природа и причины бедности», заменяя их «политически безопасными упражнениями в позитивизме и строительстве ортодоксально неоклассических моделей» (цит. по [De Rouvray, 2005. P. 42]).

Временные трудности и триумф клиометристов

Так или иначе к середине 1970-х гг. стало понятно, что в схватке «новых» и «старых» экономических историков верх берут приверженцы использования количественных методов. Отныне всем, кто хотел бы примкнуть к рядам американских специалистов по ЭИ, следовало стать «знатоком неоклассической теории и статистических методов» [Rojas, 2007. P. 58]. По сути, как удачно замечает Дж. Томлинсон, триумф клиометристов ознаменовал превращение ЭИ в историческую экономику. Это привело к тому, что для овладения профессией экономического историка требовалось пройти подготовку на экономическом факультете [Tomlinson, 2014. P. 78].

Со всем тем, за пределами Соединенных Штатов сопоставимой по масштабам трансформации в сфере изучения ЭИ в 1970-е гг. не произошло. Так, упор клиометристов на поиск причинно-следственных связей не нашёл отклика во Франции, где экономическая история преимущественно изучалась в русле школы Анналов, чьи представители уделяли гораздо большее внимание сбору данных, нежели их интерпретации. С ещё большей прохладой клиометрику встретили в ФРГ. По-прежнему сильные традиции немецкой исторической школы с её скептическим отношением к математическому теоретизированию не оставляли шансов на быстрое распространение клиометрических исследований [Lyons, Cain, Williamson, 2008. P. 38]. Британские экономические историки 1970-х гг., в своём большинстве имевшие историческое, а не экономическое образование, также не смогли оценить показавшийся им слишком «узкоэкономическим» клиометрический подход [Lamoreaux, 1998. P. 71].

Однако и за океаном клиометристы не смогли почивать на лаврах. Превращение во второй половине 1970-х гг. экономических историков в «исторических экономистов», совпавшее по времени с кульминацией «формалистской революции», фетишизированной значение

математического моделирования в качестве основного способа занятия экономическими исследованиями, значительно осложнило нахождение специалистов в области ЭИ в рядах коллег-экономистов. Экономические историки, не готовые пожертвовать изучением истории во имя совершенствования навыков количественного анализа, быстро превратились в глазах представителей мейнстрима в обитателей «интеллектуальной кунсткамеры», чьи учебные курсы не заслуживали нахождения в числе обязательных предметов для изучения экономистами. На этом неприятности для клиометристов не закончились. Казалось бы, их естественные союзники – социальные историки не испытывали тогда симпатий к количественным методам и поэтому не могли стать «ни благодарной аудиторией, ни союзниками» для приверженцев изучения ЭИ при помощи экономического инструментария [Rojas, 2007. Pp. 59–60].

Непонимание коллег в ещё большей степени актуализировало необходимость смягчения ряда исходных предпосылок, лежавших в основе методологии «новой» ЭИ. В частности, многие видные американские экономические историки во второй половине 1970-х гг. начали осознавать ограниченность жёстких неоклассических постулатов. «Неоклассическая экономическая теория, с точки зрения экономического историка, – утверждал Д. Норт еще в 1974 г., – обладает двумя главными изъянами. Во-первых, она не предназначена для объяснения долгосрочных экономических изменений, и, во-вторых, ... она полностью подходит лишь для мира совершенных рынков» (цит. по [Krul, 2018. P. 35]).

Однако желание освободить ЭИ от «смирительной рубашки» неоклассики не встретило единодушной поддержки в рядах экономических историков. Это привело к фрагментации сообщества американских специалистов по ЭИ на две условные группы: поборников дальнейшего продолжения экономико-исторических исследований в концептуальных рамках, задаваемых неоклассическим подходом, и приверженцев расширения набора аналитических предпосылок изучения истории хозяйственной жизни. При этом сторонники выхода за пределы аналитических границ неоклассики не подвергали сомнению необходимость применения количественных методов, а лишь ратовали за использование «экономических моделей в качестве метода, но не догмы» и придание им большей «реалистичности и историчности» [Rojas, 2007. P. 62]. Их стараниями в экономико-исторические исследования удалось вернуть зачастую игнорируемый пионерами клиометрической революции институциональный контекст. Вероятно, включение институционального фактора в ЭИ в немалой степени обусловило рост популярности клиометрики в Европе, чья история «требовала глубокого знания институционального бэкграунда и более критического использования (нежели в Северной Америке. — А.М.) принципа максимизации прибыли...» [Dumke, 1992. P. 4]. Так или иначе, в 1990-е гг. клиометристам во многом удалось «колонизировать» Старый Свет [Drukker, 2006. P. 107]. Если на прошедшем в 1989 г. в Сантандере Втором Всемирном конгрессе по клиометрике удельный вес представителей США и Канады среди участников составлял около 1/3 [Lamoreaux, 1998. P. 71], то на Третьем Всемирном конгрессе, организованном спустя восемь лет в Мюнхене, доля неамериканцев превысила 60% [Drukker, 2006. P. 106].

Пришествие Клиолятора: проклятие или благословение для ЭИ?

Автор настоящей статьи не ставит перед собой задачу раскрыть особенности развития ЭИ в первые десятилетия XXI столетия. Тем не менее разговор о клиометризации экономико-исторической профессии едва ли будет полным без хотя бы краткого обзора дискуссий, развернувшихся в последние годы вокруг последствий перерождения Клио в Клиолятора. Для начала обозначим позицию экспертов, считающих, что увлечение клиометрикой принесло ЭИ не только положительные результаты.

Здесь нужно сделать одну оговорку. По моему мнению, в широком спектре позиций «клиометрико-скептиков», наиболее любопытной представляется отнюдь не точка зрения

современных симпатизантов Ф. Редлиха (1892-1978). Несмотря на их яркую и яростную риторику⁶, в теоретико-методологическом отношении претензии подобных исследователей к клиометристам трудно назвать оригинальными. Фактически критики клиометрики в XXI в. по-прежнему повторяют претензии без малого шестидесятилетней давности. Они упрекают клиометристов в: 1) занятии «квазиисторией»; 2) подмене изучения «настоящей» ЭИ соревнованием в построении изошрённых моделей, жидущихся на безоглядной вере в позитивизм, позволяющий считать «незначимым всё, что может быть высчитано, измерено или взвешено» [Redlich, 1965. Pp. 481, 490-491].

Поэтому гораздо более интересными мне видятся соображения исследователей, изучающих институциональные последствия усиления позиций сторонников клиометрики. Так, Г. Браунлоу и К. Колвин обращают внимание на то, что в Великобритании следствием победы клиометристов в 1980-1990-е гг. стал закат эпохи самостоятельных департаментов ЭИ, вызвавший постепенный переход специалистов по ЭИ на факультеты истории. При этом новых «обитателей» встретил отнюдь не тёплый прием. «К сожалению, – замечают Браунлоу и Колвин, – студенты-историки посчитали экономическую историю... “слишком статистической” или “слишком скучной” в сравнении с другими, более гуманитарными направлениями исторических исследований. <...> Это означает, что академический рынок труда для экономических историков в Соединенном Королевстве стал гораздо уже..., чем в 1960-е и 1970-е гг.» [Brownlow, Colvin, 2022. P. 7]. Впрочем, далеко не все специалисты разделяют подобные минорные настроения. Скажем, Р. Марго, рассуждая о перспективах ЭИ в США, утверждает, что в этой стране «для них [новых экономических историков – клиометристов] <...> существует активный и эффективный рынок труда» [Margo, 2018. P. 378]. Но почему же учёные, работающие по разные стороны Атлантики, так сильно расходятся во взглядах на будущее экономической истории?

На мой взгляд, эти различия во многом связаны с тем, насколько экономические историки той или иной страны встроены в мейнстрим экономической профессии. Если в тех же Соединенных Штатах эксперты уверенно рассуждают об интеграции ЭИ в экономику [Margo, 2018], то в Старом Свете подобные тезисы пока не получили распространения. О не самом высоком уровне проникновения европейских экономических историков в «основное русло» красноречиво говорят данные новейших библиометрических исследований. Так, по расчётам М. Чиони и соавторов, из общего объёма статей по ЭИ, появившихся на страницах пяти наиболее престижных журналов по экономике⁷ в 2001-2018 гг., 78,8% вышли из-под пера американских специалистов, тогда как их коллеги из стран континентальной Европы подготовили лишь 12,7% работ [Cioni, Federico, Vasta, 2021. P.16].

При этом критически настроенные специалисты обращают внимание на то, что за «воссоединение» с экономической наукой представители ЭИ заплатили огромную цену. Якобы бурный «роман» мейнстрима с экспериментальными методами, казалось бы, возродивший интерес экономистов к истории как уникальной базе естественных экспериментов⁸, обернулся для ЭИ печальными последствиями. Исследователи, увлечённые установлением причинно-следственных связей между явлениями прошлого и современными социально-экономическими проблемами, окончательно отмахнулись от изучения исторического контекста, «мутящего воду вокруг поиска каузальных механизмов и <...> осложняющего демонстрацию эмпирического дизайна исследования» [Dippel, Leonard, 2021. P. 3]. В конечном счёте, как считают скептики, ЭИ превратилась в набор датасетов с длинными рядами данных, а экономические историки, как иронично писал ещё в 1985 г. Р. Солоу, стали «экономистами с большей терпимостью к [архивной] пыли» [Solow, 1985. P. 331].

⁶ См., например: [Boldizzoni, 2011].

⁷ American Economic Review, Econometrica, Journal of Political Economy, Quarterly Journal of Economics and Review of Economic Studies.

⁸ Подробнее см.: [Cantoni, Yuchtman, 2020].

Насколько оправданы подобные тревожные опасения? Могут ли «клиооптимисты» как-то развеять подобные настроения? Пожалуй, главный аргумент специалистов, стремящихся добавить светлые краски в мрачные картины настоящего и будущего ЭИ, рисуемые любителями обвинять приверженцев использования количественных методов в тотальной деисторизации предметной области, заключается в том, что «клиопессимисты» зачастую игнорируют изменения, происходящие не только ЭИ, но и в экономической науке в целом. В частности, отказываются / не хотят замечать, что современные экономисты всё меньше напоминают надменных затворников, запершихся в башне из слоновой кости, и избегают знакомства с достижениями представителей смежных дисциплин.

Как показывают результаты исследования Дж. Ангриста и его соавторов, базирующегося на применении методов машинного обучения к анализу структуры цитирований учёных из разных наук, в последние несколько десятилетий наблюдается «чёткая тенденция к всё более выраженной ориентации экономической науки вовне» (на цитирования работ из других дисциплин. — А.М.) [Angrist, Azoulay, Ellison, Hill, Feng Lu, 2020. P. 4]. Хотя расчёты других авторитетных специалистов не всегда полностью подтверждают выводы Нобелевского лауреата и его коллег. Никто из учёных, исследующих состояние дел в современной экономической науке при помощи современного количественного инструментария, по-видимому, не оспаривает того, что «если текущий тренд (на рост числа цитирований неэкономистов. — А.М.) продолжится, то понадобится всего лишь несколько лет, чтобы экономика превзошла другие социальные науки по среднему числу междисциплинарных цитирований» [Truc, Santerre, Gingras, Claveau, 2020. P. 28].

Однако как отражается фиксируемый при помощи библиометрических методов всё более активный выход экономистов за пределы границ своей науки на поле ЭИ? Наверное, в этом отношении одно из наиболее ярких проявлений растущей междисциплинарности экономического дискурса – возникновение двух новых экономико-исторических жанров: 1) «продолжительных исследований» (ПИ), в рамках которых экономисты занимаются поиском в прошлом истоков современных социально-экономических проблем; 2) «исследований неэкономических результатов» / non-economic outcomes studies (NEOS), предполагающих выход исследователей за пределы экономики в сторону политологии, социологии и антропологии [Cioni, Federico, Vasta, 2020].

В методологическом плане такого рода исследования базируются на трёх основных принципах: 1) «идентификация исследовательского вопроса в конкретном историческом контексте»; 2) «определение модели для его решения с помощью проверяемых гипотез»; 3) их статистическая проверка [Cioni, Federico, Vasta, 2022]. Хотя эта методологическая триада вызвала отнюдь не самую восторженную реакцию экспертного сообщества, продолжительные исследования смогли наглядно продемонстрировать, что ЭИ вовсе не пристанище любителей копать в интеллектуальной рухляди, а вполне мейнстримный предмет, развитием которого занимаются академические звёзды первой величины. Достаточно упомянуть, что в традиции ПИ работают такие учёные, как Д. Аджемоглу, А. Банерджи, О. Галор, Н. Ханн, которые, к примеру, изучали влияние Неолитической революции на генетическое разнообразие, анализировали воздействие различий в технологиях ведения сельского хозяйства на эволюцию гендерных норм и исследовали роль институтов, сложившихся в колониальную эпоху, на расхождение в уровнях социально-экономического развития стран мира.

Важно подчеркнуть, что своеобразным «цементом», скрепляющим конгломерат этих интереснейших исследований, выступает вовсе не единство теоретических взглядов их авторов, а применение изошрённой эконометрики (столь нелюбимой критиками использования в ЭИ количественных методов) и выраженное внимание к роли институтов в развитии общества. Это обстоятельство указывает на оправданность точки зрения В.М. Полтеровича, пишущего о завершении эпохи фрагментации в социальных науках и создании предпосылок для создания единой науки об обществе, скреплённой общностью

аналитического инструментария, а также единством объекта исследования – изучения проблем развития общественных институтов и поведения в их рамках человеческих коллективов [Полтерович, 2011].

Как видим, современные специалисты, интересующиеся ЭИ, находятся в авангарде процессов синтеза социальных дисциплин. Поэтому критики клиометристов, обвиняющие их в мелкотемье, игре в математический бисер и «узурпации» ЭИ, на мой взгляд, не заметили сразу две тенденции. Во-первых, клиометристы, научив экономических историков «говорить» на языке формул и греческих букв, подготовили ЭИ к возвращению на передний край современного обществоведения. Во-вторых, «чистых» клиометристов, которых критики нередко представляют в карикатурном образе не готовых к междисциплинарному сотрудничеству исследователей-аутистов, занимающихся исключительно играми в цифирь и интересными только им самим контрфактическими спекуляциями, практически невозможно встретить в нынешней ЭИ. На смену им пришли учёные, которые совместно с представителями других социальных наук ищут ответы на «большие» вопросы социальных наук (например, проблемы неравенства и бедности, соотношения роли государства и рынка). Таким образом, «история стала инструментом, при помощи которого разрешаются непрекращающиеся споры <...> и ищутся ответы на великие вопросы» [Geloso, 2018. P. 22].

* * *

Подытоживая, следует ещё раз обратить внимание на то, что клиометрика появилась на свет в результате сочетания целого ряда внутридисциплинарных и внешних по отношению к науке факторов. Высоко оценивая результаты клиометрической революции, нельзя не сделать принципиально важное, на мой взгляд, замечание – призывы во что бы то ни стало трансплантировать «количественный» стандарт занятия ЭИ без учёта особенностей развития локального сообщества экономических историков чреваты созданием карго-культа, адепты которого станут лишь имитировать современные практики экономико-исторических исследований.

Оценить всю полноту изменений, происходящих в наши дни в социальных науках, позволит только историческая дистанция, но, судя по всему, они переживают период, когда: 1) границы между дисциплинами становятся всё менее заметными; 2) одним из важнейших атрибутов подобных «путешествий» в прошлое является использование продвинутого эконометрического и IT-инструментария; 3) специалисты в поисках ответов на злободневные вызовы то и дело обращаются к изучению исторических корней той или иной проблемы. Вот почему в 2020-е гг. слова И. Валлерстайна, называвшего ЭИ «нежеланной падчерицей... университетской системы» и утверждавшего, будто бы экономисты воспринимают экономическую историю «в лучшем случае как эксцентричный каприз, а в худшем – как серьёзное нарушение принципа разумного использования ограниченных академических ресурсов» [Wallerstein, 2001. Pp. 257-258], кажутся всё менее актуальными. Гораздо более релевантной видится точка зрения другого мэтра – С. Бродберри, пишущего о том, что экономическая история «сейчас находится в лучшей форме чем когда-либо» [Jones, van Leeuwen, Broadberry, 2012. P. 245] и, возможно, несколько завышенная, но хорошо передающая оптимистичный настрой специалистов, интересующихся экономико-исторической проблематикой, оценка Р. Алленом роли ЭИ: «экономическая история – королева социальных наук» [Allen, 2011. P. 1].

Однако, радуясь тому, что спящая красавица дождалась своего принца, стоит помнить о тех, без чьих усилий пробуждение принцессы и тем более превращение её в королеву едва ли было бы возможным. В этой связи критикам количественной ЭИ не следует забывать, что демонизируемые ими клиометристы сделали очень многое для сегодняшнего ренессанса ЭИ. Поэтому давайте относиться к Клиолятору, без пришествия которого ЭИ, весьма вероятно, еще долго оставалась бы «маргинальной областью социальных наук» [Bértola, Weber, 2015. P. 2], если не с любовью, то с заслуженным уважением.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Дроздов В.В., Погребинская В.А., Золотарева В.П. (2018). Роль экономической истории в подготовке современных специалистов в области экономической теории и практики [Drozdov V.V., Pogrebinskaya V.A., Zolotareva V.P. (2018). The role of economic history in the training of modern specialists in the field of economic theory and practice] // *Экономическое возрождение России*. № 3. С. 71–77.
- Заостровцев А.П. (2013). Дуглас Норт: бегство от неоклассического мейнстрима [Zaostrovstsev A.P. (2013). Douglas North: The escape from the neoclassical mainstream] // *Общественные науки и современность*. №4. С. 140–150.
- Мальцев А.А. (2018). Диаспора экономистов и российская экономическая наука: в поисках точек соприкосновения [Maltsev A.A. (2018). Diaspora of economists and Russian economics: In search of common ground] // *Вопросы экономики*. № 4. С. 129–148. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-4-129-148>.
- Мальцев А.А. (2022). Золушка или принцесса: прошлое и настоящее экономической истории [Maltsev A. A. (2022). Cinderella or princess: Past and present of economic history] // *Вопросы экономики*. № 11. С. 24–56. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-11-24-56>.
- Полтерович В.М. (2011). Становление общего социального анализа [Polterovich V.M. (2011). The rise of general social analysis] // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 101–111.
- Abramitzky R. (2015). Economics and the modern economic historian // *Journal of Economic History*. Vol. 75. Issue 4. Pp. 1240–1251. DOI: 10.1017/S0022050715001667
- Allen R. (2011). *Global Economic History: A Very Short Introduction*. – Oxford: Oxford University Press.
- Angrist J., Azoulay P., Ellison G., Hill R., Feng Lu S. (2020). Inside Job or Deep Impact? Extramural Citations and the Influence of Economic Scholarship // *Journal of Economic Literature*. Vol. 58. No. 1. Pp. 3-52. DOI: 10.1257/jel.20181508
- Bértola L., Weber J.R. (2015). *Latin American Economic History: Looking Backwards for the Future*. Documento On Line № 37. DOI:10.13140/RG.2.1.5191.2405
- Boldizzoni F. (2011). *The Poverty of Clio: Resurrecting Economic History*. – Princeton: Princeton University Press.
- Brownlow G., Colvin C.L. (2022). Economic History and the Future of Pedagogy in Economics // *QUCEH Working Paper*. No. 22-09.
- Cantoni D., Yuchtman N. (2020). Historical Natural Experiments: Bridging Economics and Economic History // *NBER Working Paper*. No. 26754. DOI 10.3386/w26754
- Cioni M., Federico G., Vasta M. (2020). The Two Revolutions in Economic History // *EHES Working Paper*. No. 192.
- Cioni M., Federico G., Vasta M. (2021). The State of the Art of Economic History: The Uneasy Relation with Economics // *NYU Abu Dhabi Working Paper*. No. 0067.
- Cioni M., Federico G., Vasta M. (2022). Persistence Studies: A New Kind of Economic History? // *Review of Regional Research*. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10037-022-00167-0> (access date: 6.01.2023).
- De Rouvray C.A. (2004). “Old” Economic History in the United States: 1939–1954 // *Journal of the History of Economic Thought*. Vol. 26. Issue 2. Pp. 221–239. DOI: 10.1080/1042771042000219046
- De Rouvray C.A. (2005). *Economists Writing History: American and French Experience in the mid 20th Century*. PhD thesis, London School of Economics and Political Science. http://etheses.lse.ac.uk/36/1/De_Rouvray_Economists_writing_history.pdf (access date: 6.01.2023)
- Diebolt C., Hauptert M. (2016). An Introduction to the Handbook of Cliometrics // *Handbook of Cliometrics* / C. Diebolt, M. Hauptert (eds.) – Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag. Pp. V-XIV.
- Diebolt C., Hauptert M. (2022). Cliometrics and the Future of Economic History // *Essays in Economic and Business History*. Vol. 40. Pp. 1-20.
- Dippel C., Leonard B. (2021). Not-so-natural Experiments in History // *Journal of Historical Political Economy*. Vol. 1. No. 1. Pp. 1–30. DOI: 10.1126/science.aaz9986
- Drukker J.W. (2006). *The revolution the bit its own tail. How economic history changed our ideas on economic growth*. – Amsterdam: Aksant Academic Publishers.
- Dumke R. H. (1992). The Future of Cliometric History – a European View // *Scandinavian Economic History Review*. Vol. 40. No. 3. Pp. 3–28. DOI: 10.1080/03585522.1992.10408263.
- Fernández de Pinedo N., La Parra-Perez A., Muñoz F-F. (2022). Recent trends in publications of Economic historians in Europe and North America (1980–2019): An empirical analysis // *Cliometrica*. <https://doi.org/10.1007/s11698-022-00245-w>
- Field A.J. (1986). The Future of Economic History // *The Future of Economic History*. / A.J. Field (ed.). – Boston: Kluwer.
- From the Workshop of Alexander Gerschenkron, *Economic Historian* (2008). *Reflections on the cliometrics revolution: Conversations with economic historians* // J.S. Lyons, L.P. Cain, S.H. Williamson (eds.). – Abingdon, New York: Routledge. Pp. 365–367.
- Gauldin C. (1995). Cliometrics and the Nobel // *The Journal of Economic Perspectives*. Vol. 9. No. 2. Pp. 191–208. DOI: 10.1257/jep.9.2.191
- Gauthier L. (2022). Putting Clio Back in Cliometrics // *History & Theory: Studies in the Philosophy of History*. Vol. 61. Issue 2. Pp. 289–311.

- Geloso V.J. (2018). Economics, Economic History and Historical Data // *An Economist's Guide to Economic History* / M. Blum, C.L. Colvin (eds.) – Cham: Palgrave Macmillan. Pp. 21–29.
- Hamouda O.F., Price B.B. (1991). *Verification in economics and history. A sequel to "scientification"*. – Abingdon, New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203721353>
- Hauptert M. (2017). The Impact of Cliometrics on Economics and History // *Revue d'économie politique*. Vol. 127. Pp. 1059–1081. <https://doi.org/10.3917/redp.276.1059>
- Jaremski M. (2020). Today's Economic History and Tomorrow's Scholars // *Cliometrica*. Vol. 14. Pp. 169–180. <https://doi.org/10.1007/s11698-019-00188-9>
- Jones G., van Leeuwen M.H.D., Broadberry S. (2012). The Future of Economic, Business and Social History // *Scandinavian Economic History Review*. Vol. 60. No. 3. Pp. 225–253. <https://doi.org/10.1080/03585522.2012.727766>
- Kirkland E. C. (1949). The Place of Theory in Teaching American Economic History // *The Journal of Economic History*. Vol. 1. Supplement: *The tasks of economic history*. Pp. 99–102.
- Klein J.T. (1996). *Crossing Boundaries: Knowledge, Disciplinarity, and Interdisciplinarity*. – London, Charlottesville: The University Press of Virginia.
- Kretchmer H. (2021). *COVID-19 and Geopolitics – 5 Lessons from Past Pandemics*. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2021/01/covid-19-geopolitics-lessons-pandemics-history/> (access date: 6.01.2023)
- Krul M. (2018). *The New Institutional Economic History of Douglass C. North: A Critical Interpretation*. – London: Palgrave Macmillan.
- Kuznets S. (1941). Statistics and Economic History // *Journal of Economic History*. Vol. 1. No. 1. Pp. 26–41. doi:10.1017/S0022050700051858
- Lamoreaux N. (1998). Economic History and Cliometric Revolution // *Imagined histories: American historians interpret the past* / A. Molho, G.S. Wood (eds.) – Princeton: Princeton University Press.
- Lamoreaux N. (2016). Beyond the old and the new: Economic history in the United States. // *Routledge handbook of the global economic history* / F. Boldizzoni, P. Hudson (eds.) – London, New York: Routledge. Pp. 35–55. DOI: 10.4324/9781315734736-1
- Lyons J., Cain C., Williamson S. (2008). Cliometrics over 50 years: Retrospect and prospect // *Reflections on the cliometrics revolution. Conversations with economic historians* / J.S. Lyons, L.P. Cain, S.H. Williamson (eds.) – Abingdon, New York: Routledge. Pp. 36–43.
- Margo R.A. (2018). The Integration of Economic History into Economics // *Cliometrica*. Vol. 12. Pp. 377–406 <https://doi.org/10.1007/s11698-018-0170-8>
- McCloskey D. N. (1995). Does the Past Have Useful Economics? // *Historical Perspectives of the American Economy: Selected readings* / R. Whaples, D. Betts (eds.) – Cambridge: Cambridge University Press.
- Mejía J. (2015). The Evolution of Economic History Since 1950: From Cliometrics to Cliodynamics // *Tiempo & economía*. Vol. 2. No. 2. Pp. 79–103.
- Pinkus G., Ramaswamy S. (2020). *What History Can Teach Us About the Economic Impact of the Coronavirus Pandemic*. URL: <https://www.mckinsey.com/mgi/overview/in-the-news/what-history-can-teach-us-about-the-economic-impact-of-the-coronavirus> (access date: 6.01.2023)
- Redlich F. (1965). "New" and Traditional Approaches to Economic History and Their Interdependence // *The Journal of Economic History*. Vol. 25. No. 4. Pp. 480–495.
- Rojas A.M. (2007). Cliometrics: A market account of a scientific community (1957-2006) // *Lecturas de Economía*. Vol. 66. January-June. Pp. 47–82.
- Rosenzweig R. (2011). *Clio Wired: The Future of the Past in the Digital Age*. – New York: Columbia University Press.
- Solow R. (1985). Economic History and Economics // *The American Economic Review*. Vol. 75. Issue 2. Pp. 328–331.
- Tomlinson J. (2014). *The Politics of Decline: Understanding Postwar Britain*. – London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315837956>
- Toninelli P.G. (2007). The Atlantic divide: Methodological and epistemological differences in economic history // *University of Milan – Bicocca Working Paper*. No. 112.
- Truc A., Santerre O., Gingras Y., Claveau F. (2020). *The Interdisciplinarity of Economics*. URL: <https://francoisclaveau.openum.ca/files/sites/69/2020/12/SSRN-id3669335.pdf> (access date: 6.01.2023).
- Wallerstein I. (2001). *Unthinking Social Science. The Limits of Nineteenth-Century Paradigms*. – Philadelphia, PA: Temple University Press.
- Whaples R. (1991). A Quantitative History of the Journal of Economic History and the Cliometric Revolution // *The Journal of Economic History*. Vol. 51. No. 2. Pp. 289–301. doi:10.1017/S0022050700038948

Мальцев Александр Андреевич

almalzev@mail.ru

Alexander Maltsev

Doctor habilitatus in economics, associate professor, Lomonosov Moscow State University, Institute of Economics, Ural branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia) University of Picardie Jules Verne (Amiens, France)

almalzev@mail.ru

HOW CLIO TURNED INTO A CLIOLATOR, OR A METAMORPHOSIS OF ECONOMIC HISTORY IN THE SECOND HALF OF THE XX - BEGINNING OF THE XXI CENTURIES

Abstract. The article systematizes the external and internal factors of the so-called cliometric revolution in economic history (EH). Special attention is paid to the analysis of intradisciplinary, as well as external (with respect to EH) causes that led to the growing interest of the US community of economic historians in cliometrics in the 1950s–1960s. Author believes that the main factors that led to the transition to the new – cliometric – standard of studying EH were: 1) the scientific beliefs of the young generation of American economic historians; 2) the move to North America of a large number of influential European scholars from positivist circles, who managed to provide a strong support to young American colleagues in the desire to quantify the EH; 3) the tragic events of the first half of the 20th century, which put on the agenda the task of creating an intellectual defense against the growing totalitarianism with the help of “scientific” economic history, that is based on hypothetical-deductive models and quantitative analysis; 4) the gloomy era of McCarthyism, which forced economic historians to move away from the study of ideologically dangerous questions towards quantitative calculations that are obscure for politicized figures and / or disguise their research behind the facade of Greek letters and mathematical symbols.

The paper shows that, despite the success of the cliometric revolution, at first it wasn't possible to talk about its victorious march through the national communities of economic historians outside the United States. For the final victory, it was necessary to add to the quantitative economic history a “forgotten” institutional context. And it was the combination of new institutionalism with quantitative research that received a relatively friendly welcome by European economic historians. Special emphasis is placed on the analysis of the perception of the cliometric revolution in modern literature. The author proves that critics of cliometrics, as a rule, miss some important issues: 1) the renaissance of interest in economic history of economists and other representatives of the social sciences; 2) reintegration of EH into mainstream economics.

Key words: *economic history, economic science, cliometric revolution.*

JEL: B00, N01.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мальцев А.А. Как Клио превратилась в Клиолятора, или Метаморфозы экономической истории во второй половине XX – XXI начале веков // Вопросы теоретической экономики. № 1. 2023. С. 114–126. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_114_126.

FOR CITATION: Maltsev A. How Clio into a Cliolator, or A metamorphosis of economic history in the second half of the XX – beginning of the XXI centuries // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. No. 1. 2023. Pp. 114–126. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_114_126.